

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. *В.Г.Ревуненкова*

Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры. Книга предназначена для историков, обществоведов и читателей, интересующихся историей Франции.

Редколлегия: д-р ист. наук В.Г.Ревуненков (отв. ред.), д-р искусствоведения Н.Н.Калитина, д-р ист. наук Г.Л.Курбатов, д-р ист. наук Г.Р.Левин, канд. ист. наук А.Б.Егоров, канд. ист. наук Н.Е.Колосов, С.Н.Коротков (отв. секр.)

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.В.Егоров (ЛГПИ им. А.И.Герцена)
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Ленинградского университета.

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 1 вандемьера ССХХI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). Современные интерпретации Великой французской революции

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). Французская памфлетистика при Старом порядке

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). Роль периодической печати в политической системе Старого порядка

Пименова Л.А. (Моск. ун-т). О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения» (по наказам дворянского сословия Генеральным штатам 1789 г.)

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658—1743)

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). Финансовая политика Французской революции: характер и итоги

Текст

http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции

Соколов О.В. (МИАИВВС). Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792—1794 гг.

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). Вареннский кризис и французское общественное мнение (по материалам памфлетов эпохи Великой французской революции)

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789—1799 гг.

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). Л.-Л.Буальи — художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). О празднествах эпохи Великой французской революции

ВЫСШАЯ БЮРОКРАТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Вопрос о непосредственных носителях государственной власти, безусловно, является одним из основных при изучении той или иной политической системы. Под высшей бюрократией мы понимаем персонал центральных правительственных учреждений. Применительно к Франции Старого порядка речь идет о королевском совете и связанных с ним службах, в первую очередь институте провинциальных интендантов. Разумеется, королевский совет не был единственным политически значимым органом в абсолютистской Франции, однако именно он вместе с интендантами провинций представлял основную организационную форму механизма подготовки и принятия как политических, так и важных административных решений.

Королевский совет восходил к феодальной курии французских королей, состоявшей из их прямых вассалов. В XIII—XIV вв. в его составе появляются и играют все большую роль юристы. Из их числа формируется несколько специальных трибуналов, которые выделяются из состава совета в так называемые верховные суды (Парламент, Счетная палата, Большой совет). В составе совета постепенно складывается также рабочая группа, именуемая «тесным» или «тайным» советом.

В начале XVI в. совет состоял обычно из нескольких десятков человек, которые назывались королевскими советниками (позднее в связи с девальвацией этого титула они стали именоваться государственными советниками). Однако их число было непостоянным: на одни заседания ходило больше советников, на другие — меньше. Совет состоял из представителей

разных социальных групп — высшей аристократии и формирующейся тогда «робы» (это название чиновников, в первую очередь магистратов верховных судов, произошло от названия судейской мантии). Робены тогда нередко были выходцами из слоев низшего дворянства, но в большинстве своем принадлежали еще к среде богатой городской буржуазии, крупных купцов и финансистов.

Высшая знать была представлена в совете в первую очередь принцами крови и перешедшими на службу к французским королям иностранными принцами, высшими коронными чинами (коннетаблем, маршалами, гофмейстером и т. д.), крупными военачальниками и политически активными прелатами. Принцы крови, высшие коронные чины и кардиналы считались «прирожденными советниками» короля и претендовали на обязательное место в совете, однако реально им необходимо было его приглашение, поскольку король по своему усмотрению комплектовал совет. Что касается полководцев, дипломатов, судебных чиновников и финансистов, входивших в совет, то их продвижение и на королевской службе, и по социальной лестнице зависело главным образом от воли короля, так что ни о каком праве на места в совете применительно к ним не могло быть и речи.¹

В начале XVI в. королевский совет после выделения из его состава Большого совета, превратившегося в самостоятельный верховный суд в конце XV в., не имел специализированных секций, однако дипломатические, финансовые и судебные дела рассматривал в разные дни, а некоторые его члены специализировались по тем или иным категориям дел и заседаний. Вместе с тем сохранялись под старым наименованием «тесного» или «тайного» совета неформальные консультации короля с несколькими особо доверенными лицами (как правило, своими друзьями, родственниками и прелатами) по центральным политическим вопросам.

Постепенно, на протяжении первой половины XVI в., заседания этого совета становятся регулярными, и он выделяется в особую секцию — «деловой совет», долгое время сохранявший неформальный характер. На протяжении религиозных войн деловой совет был заполнен ставленниками враждующих партий и на некоторое время потерял значение. Дела решались тогда «в рабочем порядке» королем и Екатериной Медичи со статс-секретарями. В этот период некоторого упадка роли совета разворачивается деятельность министерских бюро, которые в XVII в. вместе с советом составляли основу высших органов власти.

Становление института статс-секретарей затянулось на пол-

¹ Harsgor M. Recherches sur le personnel du Conseil du Roi sous Charles VIII et Louis XII. T. I—IV. Lille; Paris, 1980.

тора столетия. Они выделились во второй половине XV — первой половине XVI вв. из числа королевских нотариусов и секретарей. Еще в XIV в. несколько секретарей были прикреплены к особе короля для записи его распоряжений, затем некоторые из них стали специализироваться на финансовых делах. На рубеже XV—XVI вв. росту значения этого института способствовала яркая индивидуальность одного из них — Флоримона Роберте. Финансовые секретари вели административную корреспонденцию, присутствовали на заседаниях совета и фиксировали его решения. Постепенно за ними закрепился титул статс-секретарей. В 1547 г. Генрих II произвел реорганизацию института. С тех пор статс-секретарей было обычно четыре, и между ними были распределены провинции Франции и иностранные государства, переписку с которыми они вели. В ходе религиозных войн личная верность королю и Екатерине Медичи сделала статс-секретарей важными политическими агентами короны. Они вели практически всю черновую административную работу и даже получили право самостоятельно вскрывать депеши с мест и излагать королю только их основное содержание. Параллельно выработалась и другая важнейшая черта функций статс-секретарей: наряду с письмами от имени короля, они стали посылать в провинции свои (поначалу полуофициальные) разъяснения королевских распоряжений. Со временем эта переписка получила официальный статус и стала главным каналом общения правительства с провинциальной администрацией.

В период религиозных войн стали развиваться и зачатки отраслевой специализации статс-секретарей, особенно в 70—80-е годы XVI в. благодаря Вильруа, ставшему фактическим руководителем внешней политики королевства и одной из центральных фигур в правительстве. Каждый статс-секретарь имел свое бюро, в котором работало несколько клерков. Старшие клерки бывали обычно влиятельными людьми. Должности статс-секретарей в XVI в. в большинстве своем принадлежали трем тесно связанным между собой семьям Роберте, Лобеспинов и Нефвилей де Вильруа. Именно эти министерские династии стали первыми примерами формирования нового слоя французской знати, происходившего из высшего чиновничества.²

Эпоха религиозных войн была во многих отношениях переломной в истории Франции. Ко второй половине XVI в. относится формирование в основе своей новой социальной структуры, главной особенностью которой было наличие наряду со слоем военного и придворного дворянства самостоятельного, богатого и политически активного слоя высшего чиновничества, происходившего в большинстве своем из буржуазии, но в юридическом плане составлявшего часть второго сословия. Вместе

² Sutherland N. M. The French secretaries of state in the age of Catherine de Medici. London, 1962.

с тем это было время энергичного поиска новых форм и методов управления, эмпирического нащупывания тех путей выхода из социально-политического кризиса, которые привели в XVII в. к конституированию классического французского абсолютизма. Именно таков смысл нескончаемых административных преобразований Генриха III, которого иногда характеризуют как безвольного монарха, своими личными недостатками во многом способствовавшего политическому бессилию королевской власти, но который по праву может считаться одним из творцов французского абсолютизма. В его царствование не только продвинулось вперед становление института статс-секретарей, но и была создана основа организации административных секций королевского совета.

После выделения «делового совета» основному составу государственных советников оставалось вести текущие административные и финансовые дела. Судебные функции совета в это время были относительно скромными, и большую часть судебных дел оставляли на рассмотрение Большого совета. На протяжении религиозных войн финансовая секция совета несколько раз претерпевала реорганизацию, но к концу XVI в. выделилась в самостоятельную секцию, ставшую основой совета. Она называлась государственным финансовым советом. Одновременно стала расширяться юрисдикция королевского совета, что привело к оформлению самостоятельной секции для решения судебных дел, так называемого совета частных тяжб. Состав обеих секций был идентичен. В них входили государственные советники, работавшие под руководством канцлера, главы судебного ведомства и наиболее высокопоставленного гражданского чиновника королевства. Количество государственных советников не раз менялось при Генрихе III, но в итоге было зафиксировано регламентом 1584 г. Полагалось иметь тридцать три государственных советника, двадцать один из которых должны были представлять военное дворянство («государственные советники шпаги»), шестеро — церковь («государственные советники церкви») и шестеро — робу («государственные советники робы»)³. Военное дворянство сохраняло лидирующие позиции в совете. Что касается робенов, то это были обычно президенты верховных судов, в первую очередь — Парижского парламента. Правила, по которому сан государственного советника считался достоинством, несовместимым с обладанием должностью в судебном или финансовом аппарате, тогда не существовало. Лишь немногие государственные советники робы делали свои карьеры в королевском совете. Обычно их карьеры делались в верховных судах и состояли в продвижении с постов советников на посты президентов и из менее престижных судов в более престижные. Некоторые между пребыванием в долж-

³ Guillard R. Histoire du Conseil du Roi. Paris, 1718. P. 42.

ности советника и приобретением должности президента несколько лет служили докладчиками прошений королевского дворца. Это была специфическая коллегия высокопоставленных магистратов в годы религиозных войн насчитывавшая около 50 членов. Они заседали под председательством канцлера и рассматривали главным образом дела, связанные с владением должностями. Вместе с тем они привлекались и к работе королевского совета, готовили дела для рассмотрения на нем, а в 1553 г. были уполномочены совершать инспекционные поездки по стране с целью контроля за деятельностью местной администрации. Докладчики прошений в XVII в. стали важнейшим элементом королевского совета, и из их числа происходили почти все провинциальные интенданты и государственные советники. Однако в XVI в. они играли иную роль, являясь не столько администраторами, сколько судьями. Они формально принадлежали к составу Парижского Парламента, где занимали места ниже президентов, но выше советников. Приобретение этих должностей, конечно, позволяло магистратам войти в более тесный контакт с правительственными кругами и королевским советом, однако в XVI в. не нарушало общего стиля парламентской карьеры. Почти полное отсутствие специфических карьер в совете и возможность совмещать участие в его заседаниях с «основной работой» в верховных судах свидетельствует об отсутствии в конце XVI в. специфической социальной группы робы совета. Между робенами, служившими в совете, и магистратами верховных судов тогда не было социопрофессиональных различий. По-видимому, не было между ними и принципиальных политических расхождений. В годы религиозных войн высшее чиновничество в целом занимало роялистские позиции, однако в его составе были многочисленные клиенты грандов, прежде всего Гизов, и по мере углубления социально-политического кризиса и компрометации династии Валуа партия католиков укрепляла свои позиции в среде парламентариев. Некоторые из них вошли даже в состав лигерского руководства в период междуцарствия 1589—1594 гг.⁴ Это руководство в свете современных исследований предстает в первую очередь как муниципальная элита Парижа, и участие в нем парламентариев может рассматриваться как показатель неполной вычлененности в этот период высшего чиновничества из буржуазной элиты. Вместе с тем сравнительный анализ отдельных категорий лигерских активистов, проведенный Р. Десимоном, показал, что период Лиги был завершающим этапом распада этого единства, что в социокультурном и политическом аспектах между высшим чиновничеством и верхушкой буржуазии была постоянно расширявшаяся трещина. К концу рели-

⁴ Descimon R. Qui étaient les Seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne // Mémoires de la Fédération des sociétés historiques et archéologiques de Paris et de l'Île-de-France. 1983. P. 1—304.

гиозных войн процесс формирования самостоятельного социального слоя чиновного дворянства был завершён, в то время как процесс формирования робы совета только начинался и осозаемых результатов достиг только на самом высшем уровне в лице крайне немногочисленной группы статс-секретарей.

Абсолютизм Генриха IV имел, следовательно, весьма ограниченные орудия действия.⁵ Однако в условиях относительной политической стабилизации усиление королевской власти создавало предпосылки для преобразований в сфере администрации. Царствование Генриха IV оценивается историками по-разному: для одних оно было временем торжества «умеренной монархии», соответствовавшей идеалу политических теоретиков XVI в. (например, Жана Бодена), для других — началом становления абсолютизма образца XVII в., предвосхищением реформ Ришелье и расцвета неограниченной монархии при Людовике XIV. На самом деле в политике Генриха IV наличествовали и элементы реставрации, обычного наведения порядка, причем, как предполагалось, традиционного порядка в измученной междоусобицами стране, и элементы создания новой политико-административной системы. Последняя начала постепенно складываться во второй половине XVI в. Однако царствование Генриха IV привело к значительному ускорению этого процесса, что отразилось, в частности, в истории королевского совета.

Главным было значительное укрепление в совете позиций робенов, к которым весьма резко переходит преобладание над военным дворянством и духовенством. Еще по регламенту 1585 г. они составляли в совете меньшинство. То, что этот регламент отражал реальную ситуацию при последних Валуа, видно из списка государственных советников, присутствовавших на заседаниях в 1563—1567 гг., который опубликован на основе протоколов совета Н. Валуа. На 29 дворян шпаги и 15 представителей духовенства в нем приходилось только 12 робенов, причем из 20 человек, присутствие которых зафиксировано в протоколах совета более 50 раз, только один был робеном — канцлер Лопиталь (он, естественно, посещал совет чаще всех — 196 раз). С приходом к власти Генриха IV картина сразу меняется: в списке наиболее прилежно посещавших заседания совета членов значатся имена 19 робенов, 13 военных и 4 клириков, причем наибольшей активностью отличались именно первые, особенно интенданты финансов.⁶ Новая ситуация была вскоре закреплена регламентами, из которых наиболее значительным был регламент 1628 г., отводивший

⁵ Hinrichs E. Fürstenlehre und politisches Handeln im Frankreich Heinrichs IV. Göttingen, 1969.

⁶ Valois N. Le Conseil du Roi aux XIVe, XVe et XVIe siècles. Paris, 1888. P. 188—190; 227—228.

27 мест государственных советников робенам, и по 4 — людям шпаги и церкви.⁷ После кратковременного вторжения знати совет в годы регентства Анны Австрийской и Фронды преобладание робы в совете, весьма близкое к монополии, было окончательно закреплено регламентами 1657 и 1673 гг.

Одновременно с победой робенов в административных советах они вытесняют знать и из «делового совета», который восстанавливается при Генрихе IV, но уже в новом виде. В него входят теперь наряду с королем в первую очередь министры. Последние продолжают укреплять свое положение, в частности и в том, что касается развития их отраслевой специализации. В первые десятилетия XVII в. возникают зародыши военного министерства и важного ведомства министерства королевского дома, отдаленного предшественника министерства внутренних дел. Четвертый статс-секретарь специализируется по делам протестантской церкви, что было важным политическим и административным делом в умиротворяемой после религиозных конфликтов стране. Высшая аристократия практически не участвует в работе делового совета, если ее представители не занимают постов, позволяющих претендовать на место в нем (речь идет о посте сюринтенданта финансов, нередко замещавшегося представителями высшей знати, например, герцогом Сюлли).

Отражением возросшего влияния статс-секретарей стало появление в первой половине XVII в. особой секции совета, где они выступали основными докладчиками, — совета депеш, названного так потому, что в нем зачитывались сообщения провинций, перепиской с которыми по-прежнему ведали статс-секретари. Наряду с деловым советом совет депеш составил группу правительственных секций, работавших обычно при личном присутствии короля или регентши. Первые упоминания о совете депеш относятся ко второму десятилетию XVII в. а его окончательное конституирование — к 1652 г.⁸

Расширение представительства робы в совете приводит к тому, что расширяется и круг робенских династий, для которых становятся типичными карьеры, ориентирующиеся в первую очередь на королевский совет. Однако эти карьеры еще, как правило, не похожи на тот стереотип, который выработает несколько позднее, уже при Людовике XIII, особенно при Ренессансе. Дорога в совет, если она не является традиционной парламентской карьерой, чаще всего при Генрихе IV ведет через сферу финансов. Однако постепенно становятся типичными депешеры, которые наряду с постом государственного советника занимают уже должности в верховных судах, даже если раньше в них служили. И то и другое является признаком постепенно

конституирования робы совета как специфической фракции высшего чиновничества. Этот переломный момент нашел отражение в анонимных докладных записках, собранных правительством Генриха IV с некоторых членов королевского совета и докладчиков прошений. Среди последних были такие, которые рассматривали свою деятельность как аналогию службы в верховных судах и главным считали подготовку дел частных лиц для обсуждения в судебной секции королевского совета. Такие люди с недовольством взирали на более или менее быстрое продвижение в королевский совет новых людей, выдвинувшихся в финансовой администрации и приносивших с собой новые взгляды и подходы, отличные от выработанных многолетней практикой верховных судов стереотипов принятия судебных решений по административным вопросам.⁹ Это недовольство является показателем чрезвычайно важного процесса: обновления человеческого материала, создаваемого абсолютизмом и создаваемого абсолютизм, становления нового социального типа члена королевского совета и новой политической ментальности, отличной и от идеологии магистратов верховных судов, и тем более от представлений о политике военного дворянства и буржуа.

На поверхности большой политики эта борьба течений в королевском совете вылилась в конфликт двух его наиболее влиятельных деятелей — канцлера Бельевра и сюринтенданта финансов Сюлли. Этот конфликт хорошо изучен. Поводом к столкновению был вопрос о введении полетты (ежегодного сбора с чиновников, позволявшего им передавать свои должности по наследству), но назревал он с самого начала царствования Генриха IV. Бельевр выступал безусловным сторонником политического урегулирования и королевского абсолютизма и много сделал для укрепления новой династии, однако он мыслил будущее королевства так, как и большинство парламентариев: повседневная администрация должна осуществляться верховными судами (хотя, конечно, под общим руководством королевского совета) и в соответствии с традиционными судебными процедурами. Сюлли, который, в отличие от Бельевра, являлся более жесткому административному диктату королевских комиссаров, и солдатская решимость его преобразований в фискальной сфере, как известно, была одним из главных направлений политики Генриха IV. Именно эта линия в конце концов и победила, и конфликт закончился опалой Бельевра.¹⁰ Очевидно, что это было торжество не одного только Сюлли: это был пер-

⁹ Paris. Bibliothèque Nationale (B. N.). Cabinet des manuscrits (C. M.). Ms. fr. 16216. P. 81—85.

¹⁰ Mousnier R. Sully et le conseil d'état et des finances // Revue historique. T. 197. 1947. P. 68—86; Major J. R. Bellière, Sully and the assembly of notables of 1596. Philadelphia, 1974.

⁷ Guillard R. Histoire du Conseil... P. 56; Mousnier R. Les éléments du Conseil du Roi sous Louis XIII. Paris, 1949. P. 85—88.

⁸ Mousnier R. La plume, la faucille et le marteau. Paris, 1970. P. 16

вый успех зарождающейся социопрофессиональной группы высшей бюрократии.

Царствование Людовика XIII было решающим в формировании этой группы. Робенский по составу совет в эти годы представляет весьма хорошие возможности для политических карьер. Регламенты стремились стабилизировать рост численности государственных советников, однако в лучшем случае на время ограничивали его. В 1644 г. правительство, обеспокоенное непрерывными тяжбами советников о старшинстве, опубликовало регламент со списком совета. В нем значилось 114 человек, и то, как отмечал в своем дневнике Оливье Лефевр д'Ормессон, многие были забыты.¹¹ Около половины советников по-прежнему были одновременно магистратами верховных судов, как президентами, так иногда и советниками, в последнем случае — чаще всего Парламента. Некоторые попадали в совет, даже будучи генеральными лейтенантами прецидиальных судов, бальяжей и сенешальств и выполняя одновременно ответственные поручения правительства. Некоторым дорога в совет была расчищена их верностью правительству в годы гражданских смут, когда от позиции руководителя трибунала среднего звена порой зависел исход политической борьбы в том или ином провинциальном городе. Впрочем, провинциальных чиновников в совете насчитывалось немного. Но около половины государственных советников сделали регулярные карьеры в совете. Это стало возможным благодаря постепенной эволюции института докладчиков прошений.

Этот последний на протяжении первой половины XVII в. значительно вырос численно и в начале самостоятельного правления Людовика XIV насчитывал уже 80 человек. При Генрихе IV и особенно при Людовике XIII докладчики прошений все шире привлекаются к работе в совете и постепенно получают право присутствовать на его заседаниях, где они стояли за креслами государственных советников, опираясь на их спины, а затем и участвовать в обсуждении и голосовании. Конечно, они допускаются только в административные секции совета, но и подавляющее большинство государственных советников не участвуют в работе политических секций, где заседают представители министры. В результате из полусамостоятельных корпораций, принадлежавшей к составу Парламента и работавшей при совете, докладчики прошений превращаются в часть аппарата королевского совета, выступая в качестве его младших членов.

Одновременно получает развитие институт провинциальных интендантов. И для современников, и для историков XIX в. он являлся своеобразным символом королевского абсолютизма.

В настоящее время его становление рассматривается в историографии как наиболее значительный рубеж на пути формирования абсолютной монархии.¹² В последние годы происхождение этого института получило новое освещение в работах М. Антуана. Можно считать, что появление первых интендантов провинций относится к середине XVI в. (к правлению Генриха II), когда правительство стало прикомандировывать к губернаторам провинций судейских и финансовых чиновников для участия в работе их советов и организации технической работы по финансовым и административным вопросам.¹³ В годы религиозных войн развитие института происходило довольно медленно, а при Генрихе IV получило новый толчок благодаря политике реформ в финансовой администрации, в ходе которых королевские комиссары побывали почти во всех французских провинциях. Однако постоянных интендантов в провинциях было мало. Они стали распространяться только после вступления Франции в Тридцатилетнюю войну в 1635 г., когда в условиях военного времени налоговый пресс резко усилился и распространилось широкое недовольство правительством, выразившееся как в хорошо известной волне народных движений, так и в оппозиционных, иногда открыто нарушающих правительственные распоряжения, иногда тихо обходящих их мероприятиях местного чиновничества. Между королевской властью и ее собственным аппаратом, в том числе и чиновничеством верховных судов, назревал конфликт. Это было результатом выбора, сделанного монархией при Генрихе IV. Курс на централизацию и новые административные, а не судебные формы принятия решений сделал этот конфликт неизбежным. После борьбы Сюлли и Бельевра в высших политических сферах еще не раз вспыхивали конфликты за пути развития монархии, и наиболее значительным из них была «великая буря», т. е. затянувшееся на несколько лет соперничество первого министра Людовика XIII кардинала Ришелье с хранителем печатей Мишелем де Мазариньком, которое завершилось после знаменитого «дня одуранных» 1630 г. опалой последнего и торжеством курса на конфронтацию с империей Габсбургов ценой усиления налогового пресса и борьбы с недовольством внутри страны. В этих условиях правительству требовались новые постоянные представители на местах, которые могли заменить в качестве проводников политики короны в провинциях как верховные суды, так и родственные им финансовые бюро казначеев Франции (на по-

¹² Bonney R. Political change in France under Richelieu and Mazarin. Oxford, 1978.

¹³ Antoine M. 1) Institutions françaises en Italie sous le règne de Henri II: gouverneurs et intendants // Mélanges de l'École française de Rome: Moyen Age — Temps Modernes. 1982. T. 94. N. 2. P. 759—818; 2) Genèse de l'institution des intendants // Journal des savants. 1982, juil. — dec. P. 283—317.

¹¹ Ormesson O. Lefèvre d'. Journal / P. p. A. Cheruel. Paris, 1860. T. 1. P. 176—177.

следние в 20-е годы главным образом опирались правитель- (ство). Интенданты 20—30-х годов иногда бывали парвеню, в- двинувшимися благодаря не всегда достойной службе Ришелье или его приближенным. Такие люди обеспечили первым интен- дантам печальную славу заплочных дел мастеров, приспешни- ков деспотизма (подобных нарисованному пером Альфреда де Виньи Лобардемону). На деле картина была гораздо более сложной. Многие интенданты были советниками верховных с- судов, безусловно, лояльными к правительству, но очень медле- но усваивавшими необратимость происходящих изменений в го- сударственном строе, т. е. неизбежность повышения налогов и укрепления государственного аппарата. Не сразу утвердилась в сознании государственных деятелей (не исключая и самого Ришелье) и мысль о неизбежности структурных изменений государственном аппарате, в частности, о том, что распростра- нившимся по всем провинциям интендантам суждено до самого конца Старого порядка оставаться центральным элементом административной машины абсолютизма. Политические пере- мены, происшедшие во Франции в третьем и четвертом десяти- летиях XVII в., не имели ничего общего с сознательным и цел- направленным государственным строительством. Как и ранее речь шла только об эмпирическом поиске новых, осознававшихся как временные, приемов управления для условий, когда старые законные формы оказались неэффективными. Но эта неосозна- нность не означала случайности. Трудно сказать, имело ли пра- вительство реальную возможность сделать иной выбор, чем то который сделало, но очевидно, что его естественное стремление состояло в том, чтобы стать более сильным, и социально-пол- тическая эволюция общества способствовала этому.

Это означало, что институт интендантов должен был пол- чить прочную основу кадров, которые готовились бы специф- ческим образом. Их школа, разумеется, должна была дава- представление о функционировании традиционных орган- суда и администрации (в первую очередь парламентов), также и о работе королевского совета. Она должна была да- вать навыки как судьи, так и финансового администратор- На конец люди, назначаемые на интендантские посты, долж- были видеть перед собой перспективу иной политической кар- еры, чем та, которую предлагали парламенты. Это было ва- жнее, что интенданты находились на местах в состоянии борьбы с парламентами.

Поэтому источником кадров интендантов становится Ришелье коллегия докладчиков прошений. Она была бли- магистратов верховных судов к королевскому совету, а ее э- люция усилила эту близость. Несколько лет службы в совете давали докладчику прошений достаточное знание централь- администрации и позволяли проверить его деловые качества предшествующая этому служба (более или менее кратко-

менная) в верховных судах давала знакомство с регулярной администрацией и судебной системой королевства. Должности докладчиков прошений были продажными, однако правитель- ство контролировало сделки и допускало в совет только тех, чья лояльность была доказана в верховных судах, а также и тех, порукой лояльности которых могла служить фамильная традиция службы в королевском совете. Таким образом, пер- вичный отбор, почти всегда безошибочный, осуществлялся уже на этапе поступления в докладчики прошений. Его эффектив- ности способствовало и то, что служба в совете имела свою репутацию, и в глазах магистратов верховных судов эта репу- тация не всегда была безупречной. От тех, кто домогался раз- рещения купить должность докладчика, ожидалось, что они с готовностью примут групповые ценности, вырабатывавшиеся в среде королевского совета. Для высшего французского чинов- ничества вообще было характерным сохранять верность от по- коления к поколению одному и тому же трибуналу. Королев- ский совет тоже начинает выступать в качестве своеобразного трибунала, в котором формируются свои династии, образующие ядро, а новые члены быстро пропитываются его духом. Уже в 20-е годы XVII в. члены совета демонстрируют вполне разви- тое групповое самосознание, которое, как это было обычно, проявляется в первую очередь в тяжбах о первенстве по чести с парламентом (об одной из таких тяжб сохранилась неопуб- ликованная записка президента парламента и государственного советника Николя де Бельевра, сына канцлера).¹⁴ Для второй четверти XVII в. типичной становится следующая карьера: советник Парламента — докладчик прошений — интендант про- винций — государственный советник. Появление карьер, ориен- тирующихся почти исключительно на продвижение в пределах аппарата королевского совета, относится еще к XVI в., но тогда возможности были гораздо более ограниченными, и от- дельные люди, прошедшие этим путем, еще не образовывали среды. На протяжении первой половины XVII в. эта среда воз- никает, и к середине столетия в совете нередко служат не только сыновья, но и внуки и даже правнуки членов совета. Добавим, что должность докладчика приобретали обычно в сравнительно молодом возрасте. Регламент 1598 г. запрещал принимать докладчиком прошений не достигших тридцати двух лет, однако на практике часто встречались исключения, и дети влиятельных отцов (в первую очередь членов совета) обычно попадали в совет до тридцати, а нередко и до двадцати пяти лет. Вместе с семейной традицией, весьма сильной в робенских династиях, это способствовало принятию групповых ценностей в совете. Поэтому английский исследователь Р. Бонни спра- ведливо отмечает, что к середине XVII в. в политической мен-

¹⁴ В. N., С. М. Mss. fr. 18415. P. 18.

тальности интендантов провинций намечается существенный перелом: они становятся людьми, вполне принимающими экстраординарную и казавшуюся поначалу вынужденной и временной систему администрации, установившуюся во Франции в годы Тридцатилетней войны.¹⁵ К сожалению, именно политическая ментальность членов новой администрации изучена меньше всего (ей посвящена лишь глава в работе Р. Бонни).

Вместе с тем не следует недооценивать и значения другого факта. Возникшая роба совета оставалась частью высшего чиновничества, в экономическом, социальном и культурном плане не слишком отличавшейся от среды магистратов верховных судов. Они создавали специфическую группу внутри этого слоя, но отнюдь не были изолированы от него. В одних и тех же семьях обычно встречались и члены совета, и магистраты верховных судов, и одни и те же персонажи часто несколько раз переходили из одной категории в другую на протяжении своей карьеры. В тех групповых ценностях, о которых шла речь выше, многое было именно корпоративным, а не принципиально политическим. Следует помнить, что мы имеем дело с обществом, для которого характерен так называемый партикуляристский тип создания. Иными словами, корпоративные предрассудки в нем нередко заслоняли или, по крайней мере, значительно изменяли общеполитические, социальные и другие идеи. Баланс был более сложным, чем иногда считают исследователи. Нельзя говорить, что мы имеем дело с единым социальным слоем высшего чиновничества, оппозиция внутри которого между робой совета и магистратами верховных судов носила чисто политический характер.¹⁶ Члены совета составляли, конечно, не изолированную от высшего чиновничества целом, но все же свою отдельную социальную среду, а их противостояние по политическим вопросам с парламентами было далеко не абсолютным и к тому же носило черты корпоративного соперничества. И все же даже с этими оговорками нельзя не признать чрезвычайно важного значения совершившегося факта: создание социальной группы робы совета было необходимым шагом на пути формирования абсолютной монархии. Главный этап этого пути был пройден при Ришелье и Мазарини. К этому времени относится и завершение в основных чертах формирования данной социальной группы. Окончательно она складывается во второй половине XVII в. в период самостоятельного правления Людовика XIV.

Прежде чем охарактеризовать высшую бюрократию в период ее наивысшего расцвета, следует сказать несколько слов о развитии королевского совета как учреждения. В наполнен-

ные драматическими коллизиями годы правления двух кардиналов-министров его структура в основе осталась прежней, однако административная активность, что и естественно, значительно увеличилась. Уже начиная с эпохи религиозных войн в совет все чаще начинают отзывать из обычных трибуналов судебные процессы, в которых прямо или косвенно оказывается заинтересованной корона. Это воспринимается как злоупотребление, к пресечению которого стремились принять меры уже Генрих IV и Сюлли. По мере втягивания короны в конфликт с парламентами количество таких отозваний дел (эвокаций) стремительно возрастало. Огромный рост работы совета был, по-видимому, главным фактором в его истории в середине XVII в. Коллегиальность в обсуждении и принятии решений в этих условиях обычно подменялась решением по докладу рассматривавшего дело члена совета, который, впрочем, предварительно должен был обсудить его в специализированном бюро совета, где заседало несколько государственных советников и докладчиков прошений. Расширение юрисдикции совета, развивавшееся параллельно становлению института интендантов, также означало укрепление абсолютизма и обострение конфликта королевского совета с верховными судами.

Наконец, важным аспектом эволюции центральной администрации в первой половине — середине XVII в. было дальнейшее развитие института статс-секретарей, и в первую очередь становление в 30—40-е годы могущественного военного министерства, что было связано главным образом с деятельностью Сюбле де Нуайе и Мишеля Летелье, создавших при Ришелье и Мазарини основы армии нового образца, необходимой опоры развивающегося абсолютизма.

Кризис Фронды лишь на время поставил под сомнение необратимость происшедших во Франции политических перемен. Временное (и весьма частичное) усиление влияния знати в совете и отозвание интендантов из большинства провинций по требованию верховных судов не остановили дальнейшего развития абсолютизма. После подавления Фронды институт интендантов был восстановлен, а королевский совет реформирован. Регламент 1657 г. предусматривал наличие в составе последнего 24 государственных советников робы, трех — шпаги и трех — церкви. По регламенту 1673 г. число мест для робенов было увеличено до 27, но вскоре государственных советников стало 30. Эта цифра сохранялась неизменной до самой революции, ибо Людовик XIV и его преемники — в отличие от предшественников — не допускали расширения совета сверх установленной регламентами нормы.

Прекратился и количественный рост корпорации докладчиков прошений. В ее истории середина XVII в. отмечена окончательным разрывом с традициями верховных судов и слиянием с королевским советом. Сразу же после смерти Ришелье

¹⁵ Bonney R. Political change... P. 131.

¹⁶ Antoine M. Le Conseil du Roi sous le règne de Louis XV. Paris, 1970. P. 270—271; Mousnier R. Le Conseil du Roi de Louis XII à la Révolution. Paris, 1970. P. 331.

корпорация была охвачена антиправительственным движением, яркие сцены которого запечатлены в «Мемуарах» Оливье Лефевра д'Ормессона.¹⁷ Поводом для недовольства было ущемление правительством регентши некоторых материальных интересов докладчиков прошений. Особое недовольство вызывал проект создания новых должностей докладчиков, что вело к понижению цены на старые. В итоге в 1648 г. докладчики прошений временно оказались в лагере столичных магистратов и приняли участие во Фронде. Однако их корпоративные требования были удовлетворены правительством, и в дальнейшем докладчики не выступали против него. Более того, на них во многом опиралось правительство, восстанавливая в 50-е годы институт провинциальных интендантов. Этому благоприятствовал формальный момент: докладчики по традиции имели право на инспекционные поездки в провинции, что послужило юридическим предлогом восстановления интендантов (характерно, что за последними надолго закрепился связанный с этой функцией титул «комиссаров, направленных в провинции»). Последствия Фронды интендантами назначаются почти исключительно докладчики прошений. Корпорация вскоре проникается сознанием своей формальной монополии на провинциальные интендантства, и иногда, если интенданты назначались не из числа ее членов, она подавала «почтительные протесты», отстаивая свои привилегии.¹⁸ Но это уже бесконечно далеко от Фронды. Докладчики видят теперь главное преимущество своей должности в возможности карьеры в аппарате королевского совета. В этом плане противоположность между магистратами верхних судов и докладчиками прошений вполне осознавалась современниками, причем 12 из них — это сыновья статс-секретарями. Если для первых была характерна удовлетворенность своим статусом (*amour de son état*),¹⁹ то относительно вторых знаменитый канцлер XVIII в. д'Агессо замечал, что докладчики становятся лишь для того, чтобы перестать ими быть (т. е. чтобы получить более высокий пост).²⁰ Укрепление связей докладчиков прошений с королевским советом сказалось в том, что за редкими исключениями почти все государственные советники второй половины XVII—XVIII вв. выходили из рядов этой корпорации.

Серьезная реорганизация системы советов произошла с началом личного правления Людовика XIV. После ареста сюринтенданта финансов был упразднен, и управление ими было сосредоточено во вновь созданном королевском финансовом совете. Заседавший под председательством короля, он вместе с верховным советом²¹ и советом дельцов составил группу политических советов. Структура административных советов осталась поначалу без изменений, если не считать значительного упорядочения их работы, осуществленного в первую очередь канцлером Летелье. Но к концу XVII в. государственный финансовый совет постепенно утратил значение и, по-видимому, перестал созываться, а его функции были разделены между королевским финансовым советом и так называемой «большой дирекцией», т. е. комиссией финансовых чиновников несколько более узкого состава. Центральным органом финансового управления наряду с королевским финансовым советом при Людовике XIV становится генеральный контрольный (министерство) финансов. Начиная с Кольбера генеральными контролерами финансов обычно бывали наиболее влиятельные фигуры в правительстве. Наконец, при Людовике XIV возникает еще одно отраслевое министерство — морское, созданное Фрондой интендантами назначаются почти исключительно докладчики прошений. Корпорация вскоре проникается сознанием своей формальной монополии на провинциальные интендантства, и иногда, если интенданты назначались не из числа ее членов, она подавала «почтительные протесты», отстаивая свои привилегии.¹⁸ Но это уже бесконечно далеко от Фронды. Докладчики видят теперь главное преимущество своей должности в возможности карьеры в аппарате королевского совета. В этом плане противоположность между магистратами верхних судов и докладчиками прошений вполне осознавалась современниками, причем 12 из них — это сыновья статс-секретарями. Если для первых была характерна удовлетворенность своим статусом (*amour de son état*),¹⁹ то относительно вторых знаменитый канцлер XVIII в. д'Агессо замечал, что докладчики становятся лишь для того, чтобы перестать ими быть (т. е. чтобы получить более высокий пост).²⁰ Укрепление связей докладчиков прошений с королевским советом сказалось в том, что за редкими исключениями почти все государственные советники второй половины XVII—XVIII вв. выходили из рядов этой корпорации.

Серьезная реорганизация системы советов произошла с началом личного правления Людовика XIV. После ареста сюринтенданта финансов был упразднен, и управление ими было сосредоточено во вновь созданном королевском финансовом совете. Заседавший под председательством короля, он вместе с верховным советом²¹ и советом дельцов составил группу политических советов. Структура административных советов осталась поначалу без изменений, если не считать значительного упорядочения их работы, осуществленного в первую очередь канцлером Летелье. Но к концу XVII в. государственный финансовый совет постепенно утратил значение и, по-видимому, перестал созываться, а его функции были разделены между королевским финансовым советом и так называемой «большой дирекцией», т. е. комиссией финансовых чиновников несколько более узкого состава. Центральным органом финансового управления наряду с королевским финансовым советом при Людовике XIV становится генеральный контрольный (министерство) финансов. Начиная с Кольбера генеральными контролерами финансов обычно бывали наиболее влиятельные фигуры в правительстве. Наконец, при Людовике XIV возникает еще одно отраслевое министерство — морское, созданное Фрондой интендантами назначаются почти исключительно докладчики прошений. Корпорация вскоре проникается сознанием своей формальной монополии на провинциальные интендантства, и иногда, если интенданты назначались не из числа ее членов, она подавала «почтительные протесты», отстаивая свои привилегии.¹⁸ Но это уже бесконечно далеко от Фронды. Докладчики видят теперь главное преимущество своей должности в возможности карьеры в аппарате королевского совета. В этом плане противоположность между магистратами верхних судов и докладчиками прошений вполне осознавалась современниками, причем 12 из них — это сыновья статс-секретарями. Если для первых была характерна удовлетворенность своим статусом (*amour de son état*),¹⁹ то относительно вторых знаменитый канцлер XVIII в. д'Агессо замечал, что докладчики становятся лишь для того, чтобы перестать ими быть (т. е. чтобы получить более высокий пост).²⁰ Укрепление связей докладчиков прошений с королевским советом сказалось в том, что за редкими исключениями почти все государственные советники второй половины XVII—XVIII вв. выходили из рядов этой корпорации.

¹⁷ Ormesson O. Lefèvre d'. Journal... T. 1. P. 154—155; 166; 168.

¹⁸ Например, ремонстрация 1717 г.: B. N., C. M. Mss. fr. 7013. P. 558—566.

¹⁹ Bluche F. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIIIe siècle. Besançon, 1960. P. 259.

²⁰ Aguesseau H. F. d'. Discours sur la vie et la mort, le caractère et les moeurs de M. d'Aguesseau, conseiller d'Etat: Château de Fresne. 1720 (Sic!). P. 15.

²¹ Так стал называться бывший деловой совет. В XVIII в. его обычно называли государственным советом.

²² Этот анализ является результатом историко-социологической анкеты членов королевского совета при Людовике XIV, основанной на их генеалогическом и пронографическом изучении. Источниками явились генеалогические словари XVII—XVIII вв., генеалогические коллекции Национальной библиотеки в Париже, нотариальные акты и другие архивные документы.

единственными представителями своей семьи в совете между 1661 и 1715 гг., имели в нем близких родственников непосредственно до и после этих дат. Наконец, для многих традиционных служб в совете передавалась по материнской линии или приобреталась путем включения в существующую семью робы совета с помощью брака. Наследственность робенской профессии вообще и службы в совете в частности видна из следующих цифр: каждый второй член совета Людовика XIV был внуком робена, и каждый четвертый — внуком члена совета, а среди их отцов 69,1% принадлежали к робе и 42,7% — к робе совета. Деды по матери были робенами на 42,1% и членами совета — на 15,4, а для тестей соответствующие показатели составляли 54,5 и 22,4%. Эти цифры нуждаются в следующих комментариях. Во-первых, при сравнении показателей попарно для деда по отцу и по матери и для отцов и тестей легко заметить, что представители отцовских семей во всех случаях оказываются более тесно связанными с высшим чиновничеством вообще и робой совета в частности, чем те семьи, с которыми их связывают матримониальные узы. Это важно, поскольку позволяет опровергнуть наблюдение видного знатока французского чиновничества XVII в. Д. Рише, который подчеркивал преобладающую роль для исследуемой социальной группы связей по женской линии.²³ Во-вторых, необходимо представить себе сравнительную численность групп высшего чиновничества в целом в Франции и членов королевского совета в частности. Состав последнего для XVII в. может быть определен примерно в 100–150 человек, в то время как в верховных судах королевства служило примерно 2,5 тыс. магистратов. Группа из нескольких десятков человек, разумеется, должна была черпать пополнение и заключать браки в соседних социальных группах. Вместе с тем нельзя не отметить значение того факта, что при Людовике XIV сын члена совета имел приблизительно в двадцать раз больше шансов стать членом совета, чем сын магистрата верховного суда, а дочь члена совета имела в десять раз больше шансов выйти замуж за члена совета, чем дочь магистрата верховного суда. Совершенно очевидно, что роба совета была достаточно четко выделенной социальной группой, хотя и тесно связанной с магистратами верховных судов.

В то же время эта группа не была закрыта для притока извне, не только из рядов робы, но и из среднего чиновничества, адвокатов и особенно финансистов. На наш взгляд, можно говорить об установлении при Людовике XIV своего рода оптимального баланса преемственности и обновления робы совета.

Новых людей в составе робы совета Людовика XIV было по разным критериям от одной пятой до одной четвертой част

именно в этих пределах находятся показатели для дворян в первом поколении, парижан в первом поколении, робенов в первом поколении и т. д. Динамика пополнения совета свидетельствует, что аристократичность его комплектования несколько повышается от старшего поколения к младшему: так, среди членов совета поколения 1661 г. было 67,2% сыновей робенов и 37,9% сыновей членов совета, а в числе пришедших в совет между 1690 и 1715 гг. — соответственно 73% и 49,6%. Еще ошутимее постепенное «удревнение» робы по мере приближения к концу царствования Людовика XIV. Если в поколении 1661 г. 29,3% были робенами в первом поколении и 17,2% — в четвертом поколении и более, то в поколении 1690–1715 гг. соответствующие показатели составляют 20,9 и 47%. В последнем случае, однако, мы имеем дело не столько с переориентацией при пополнении совета на другие социальные группы, сколько с постепенным старением основного ядра чиновных династий, пополнявших совет. Во всяком случае даже в конце XVII в. по крайней мере каждый пятый член совета был новым человеком в среде высшего чиновничества. Пополнялась роба совета в основном за счет выходцев из среднего чиновничества, адвокатов и финансистов, причем в конце XVII — начале XVIII вв. в этой группе прочного преобладания достигают именно финансисты, из среды которых выходит более половины всех семей, впервые пришедших в робу. Возвышения из буржуазных слоев на протяжении одного поколения были редки (25 из 235 семей перешли в робу из буржуазии на протяжении одного поколения), а из народа — исключительны. Среди 388 членов королевского совета при Людовике XIV только один, Дени Марен, интендант финансов, женившийся вторым браком на родственнице Кольбера, был сыном ремесленника, и только двое, его сыновья, — внуками ремесленника. XVII в. не был временем стремительных индивидуальных карьер. Социальное возвышение происходило постепенно, на протяжении ряда поколений. Сначала семья добивалась видного положения в городе, богатели за счет торговых операций, затем занималась банковскими аферами и вовлекалась в финансы, приобретала аноблирующую должность королевского секретаря, заручалась деловыми связями, затем проникала в ряды чиновников верховных судов и наконец — в среду королевского совета. Как правило, этот путь занимал не менее четырех-пяти поколений. Особенно детально мы представляем этот путь благодаря исследованию Ж.-Л. Буржона о семье Кольберов.²⁴ К этому хорошо известному обстоятельству следует добавить немаловажный штрих: роль мужской гипергамии в социальном возвышении семей. По нашим данным, отцы членов королевского совета, сами вышедшие из семей робенов, в 62% случаев нашли жен в среде

²³ Richet D. La formation des grands serviteurs de l'État // L'A N 65. 1971. P. 54–55.

²⁴ Bourgeon J.-L. Les Colbert avant Colbert. Paris, 1973.

высшего чиновничества, а те, кто вышел из семей среднего чиновничества, адвокатов и финансистов, заключали браки в своей среде лишь в 41,9% случаев, а в 34,9% случаев — в среде робены. Аналогичны показатели для самих членов совета. Сырробена женился в трех случаях из пяти на дочери робена, а сыри финансиста и среднего чиновника женился на девушке из своей среды в 34,7% случаев и в 44,2% случаев — на дочерях высших чиновничества. Эти цифры примечательны, в частности, потому что показывают некоторую односторонность вывода крупнейшего знатока французского абсолютизма Р. Мунье о том, что для иерархического общества XVII в. типичной была только женская гипергамия. Целиком соглашаясь с Мунье в том, что социальный статус передавался по наследству преимущественно по мужской линии и что женская гипергамия не означала слияния социальных групп, мы считаем необходимым уточнить, что браки в нижестоящей социальной среде были возможны для мужчин преимущественно в случае сохранения ими родительского социального статуса, в то время как мужская гипергамия была типична для семей, находившихся в процессе социального возвышения. Применительно к таким случаям можно признать правоту Д. Рише. Социальный статус здесь действительно передавался по женской линии.

По своему имущественному положению члены королевского совета принадлежали к наиболее обеспеченным группам французского общества Старого порядка. Анализ брачных контрактов показывает, что обычно состояние молодой семьи в этой среде насчитывало от 500 до 800 тыс. ливров. На момент смерти, судя по посмертным инвентарям и разделам имущества, это состояние возрастало обычно примерно вдвое и равнялось 1—1,5 млн. Разумеется, встречались разнообразие отклонения от этих цифр. Однако все члены совета были достаточно богаты, а члены влиятельных министерских династий располагали нередко 2—3 млн. ливров. Состояние Кольбера по-видимому, превышало 6 млн. Средние состояния членов совета уступали богатствам герцогов и пэров,²⁵ равно как и фантастическим состояниям богатейших финансистов. Но «рядовым» представителям финансовой элиты члены совета не уступали.²⁶ Судя по известным примерам, состояниями такого же порядка обладали и богатые парламентарии.²⁷ Остальные группы населения были существенно беднее.

Что касается структуры состояний высшей бюрократии, то они включали обычно земли, дома, должности, «портфель»

²⁵ Labatut J.-P. Les ducs et pairs de France au XVIIe siècle. Paris 1972. P. 248; 257—269.

²⁶ Среднее состояние генеральных откупщиков в начале XVIII в. можно оценить приблизительно в полтора миллиона ливров. См.: Dessert D. Argent, pouvoir et société au grand siècle. Paris, 1984. P. 124.

²⁷ Bluche F. Les magistrats... P. 150.

(ренты и всевозможные долговые обязательства) и движимость. Последняя, по-видимому, обычно оценивалась в 50—100 тыс. ливров, что по тем временам означало весьма высокий жизненный стандарт. Члены совета нередко жили в собственных особняках («отелях», как говорили в XVII в.), которые были обставлены по последней моде, с большим штатом прислуги, имели лошадей и экипажи, устраивали приемы, выезжали в загородные резиденции (мало у кого в повседневном быту сказывались традиции буржуазной расчетливости). Однако доля земель в их состояниях, по-видимому, была несколько ниже, чем у высшей знати (редко превышала треть). Как правило, сеньерии сдавались на откуп. Большая часть их была расположена на территории Парижского бассейна. Главное место в доходах с земель, по-видимому, занимали поступления от фермерской аренды. Иными словами, землевладение высшей бюрократии уже не было чисто феодальным — как, впрочем, и вообще дворянское землевладение в эту эпоху. Главное место во многих состояниях занимали государственные и частные ренты. Огромную роль для членов совета играли и доходы от королевской службы: жалование по должности, надбавки за работу в бюро совета или за службу интендантами, пенсии, разовые вознаграждения и т. д. Нередко государственные советники и интенданты, не говоря уже о министрах, получали от королевской службы 20—30 тыс. ливров в год, а иногда и больше. Это резко отличало их от большинства магистратов верховных судов, для которых королевская служба была второстепенным источником доходов.²⁸ Однако служба в совете обычно не приводила к скандальным обогащениям. Материальное благосостояние высшей бюрократии характеризовалось скорее стабильностью, чем стремительным ростом.

Особое значение для понимания природы высшей бюрократии имеет анализ ее внутренней структуры. Главной формой организации ее «социальной материи» были родственные кланы. Благодаря наличию в большинстве семей большого количества детей матримониальные связи были весьма тесными внутри этой группы, и, как правило, все неформальные отношения (дружба, деловые связи и т. д.) рано или поздно приводили к установлению между семьями родственных связей. К поддержанию родственных связей относились со всей серьезностью. Считалось не только допустимым, но и вполне естественным и даже похвальным заботиться о продвижении по службе даже дальних родственников. По-видимому, в поддержании родственных связей особую роль играли женщины: известно, например, письмо Кольбера брату, извещающее о смерти их матери, в котором министр, в частности, вспоминал с благодарностью ее роль в сохранении единства многочисленного клана Кольбе-

²⁸ Ibid. P. 233.

ров.²⁹ Непотизм в среде высшей бюрократии был обычным явлением. Хорошо известны примеры династий, выдвигавших за успехом одного из своих сочленов на видные государственные должности. Широко вывели «в люди» свои родственичей кардинал Ришелье, Кольбер, Летелье, Понтшартрен и другие министры французских королей. Административная репрессия буквально пестрит письмами младших родственников репрезентирующим старшим с настойчивыми просьбами не забыть о тех или иных их потребностях, в первую очередь в связи с вакансиями, открывающимися либо в королевском совете, либо в других высших административных органах. Очень популярный материал в этом плане дают мемуары Николая-Жозефа Фуко, интенданта ряда провинций и государственного чиновника, который подробно рассказывает, как получал он своего родственника и друга, генерального контролера финансов Мишеля Шамийяра, обеспечить ему пост государственного советника и комиссию интенданта — его сыну.³⁰ В мемуарах Оливье Лефевра д'Ормессона любые комментарии по поводу того или иного административного перемещения неизбежно сводятся к тому, кто из министров или влиятельных государственных советников добился у короля милости для своего родича.³¹ Таких примеров много. Вместе с тем необходимо говорить, что протекция «работала» только при том условии, если протеже удовлетворял требованиям, предъявляемым к кандидату на ту или иную должность. Для 388 членов королевского совета при Людовике XIV нами были рассчитаны коэффициенты зависимости между их социальным происхождением и успешными карьерами. Государственными советниками и министрами несколько чаще становились сыновья, внуки и зятья членов совета, нежели выходцы из среды магистратов верхних судов и нижестоящих социальных групп, однако разница составляла всего несколько процентов. Исходя из того, что родственные связи в нормальном случае учитывались при решении вопроса об административных назначениях, можно было бы ожидать гораздо большей разницы. Вывод очевиден: деловые качества и деловые связи, приобретенные в ходе карьеры, были важным фактором при назначениях на высшие административные должности. Родственные связи были весьма полезным, но далеко не достаточным условием большой карьеры. Вместе с тем это не значит, что деловые качества противопоставлялись в качестве фактора карьеры семейным связям: они дополняли друг друга. По форме назначение было обеспечено протекцией, как правило, возможно было оказать только групповой оценке был достоин ее. Те, кто по личным качествам не подходил для службы в высшей администрации, рано или поздно оказывались выброшенными из системы. Даже влияния Кольбера не хватило для того, чтобы сохранить в совете его близкого родича Мишеля Кольбера, который не то проворовался, не то по халатности оказался виновин в расхищении армейскими поставщиками казенных средств. Другой пример дает известный поэт Филипп-Эммануэль де Куланж, автор ряда сборников легких, изящных и юмористических стихов, пользовавшихся большим успехом в обществе его близкой родственницы мадам де Севинье. Этот человек, сибарит и остроумец, никак не подходил для трудоемкой работы провинциального интенданта и ответственного поста государственного советника и, несмотря на тесные родственные связи в среде робы совета, сделал только самую посредственную карьеру: вышел в отставку после нескольких лет службы докладчиком прошений. При такой системе высокая профессиональная квалификация членов совета вполне уживалась с разлитым протекционизмом, а сохранение возможности для новых людей попасть в совет обеспечивало пополнение его подходящими кадрами из соседних социальных групп.

Семейные связи не исчерпывали всех видов связей между членами совета, хотя и являлись главными среди них и нередко укрепляли другие виды связей. Из остальных, по-видимому, наиболее важными можно считать те, которые рождались в совместном участии в финансовых операциях. В последние годы появилась точка зрения о том, что высшее общество Франции было втайне теснейшими узами связано с миром финансистов, которых оно частным порядком субсидировало и тем самым косвенно принимало участие в кредитовании государства и, естественно, в его финансовой эксплуатации.³² Эта точка зрения представляется значительно преувеличенной и тем не менее во многом отражает социальную реальность. В частности, члены королевского совета были действительно тесно связаны с финансистами. Одни вышли из семей финансистов, другие женились на их наследницах, а некоторые (правда, таких было немного) сами на том или ином этапе своей карьеры подвизались в финансах. Еще раз сошлемся на пример Жана-Батиста Кольбера, который, как известно, до сорока трех лет был обычным финансистом, пока не вошел в королевский совет сначала в качестве интенданта финансов, а затем в качестве государственного министра, статс-секретаря и генерального контролера финансов. Естественно, что эти люди, даже если с приходом в королевский совет их реальное участие в финансовых аферах пре-

²⁹ Colbert J.-B. Lettres, instructions et mémoires / P. p. P. Clement. Paris, 1861—1872. T. VII. P. 108.

³⁰ Foucault N.-J. Mémoires / P. p. F. Baudry. Paris, 1862. P. 307; 363.

³¹ Cheruel A. De l'administration de Louis XIV d'après les Mémoires d'Olivier Lefèvre d'Ormesson. Paris, 1850. P. 66.

³² Dessert D. Argent...

кращались, все же сохраняли связи с миром финансистов. Да тех же, кто занимал должности генеральных контролеров и тендантов финансов, подобные связи считались необходимыми. Они облегчали мобилизацию кредита, ибо система государственных финансов до конца Старого порядка базировалась на частноправовых основаниях. Поэтому все без исключения «шэфы» финансового ведомства обзаводились (если не имели заранее) целыми «командами» собственных финансистов. Нередко между такими лобби вспыхивали ожесточенные бои, и самым известным, безусловно, является многолетнее соперничество Кольбера и Фуке в последний период правления кардинала Мазарини, разрешившееся трагической развязкой: судебным процессом над несколькими десятками финансистов группы Фуке, происходившим при самом беззастенчивом давлении со стороны приверженцев Кольбера и приведшим большинство обвиняемых к полному разорению, а самого поверженного сто интенданта финансов — в крепость Пиньероль, где он провел в заточении последние двадцать лет жизни. Но победоносный лобби Кольбера отнюдь не было единственным объединением такого типа. После смерти Кольбера его клиентеллу во многом наследовали Понтшартрены, вокруг которых также сложился «экип» богатых дельцов, прославившихся главным образом активным участием в колониальных мероприятиях правительства. Примером может служить Ноэль Леспин Даникан, брестонский арматор, ставший одной из ключевых фигур в финансовом мире начала XVIII в. и закончивший жизнь в почетной сане мэтра Счетной палаты. Аналогичные группировки финансистов играли в XVIII в. огромную роль в политической жизни страны. Кружок Понтшартренов был связан с политической партией герцога Бургундского, пожалуй, самой мощной придворной группировкой в последние годы правления Короля-Солнца.³³ В середине столетия финансисты достигли зенита своего могущества благодаря широко известной фаворитке Людовика XV маркизе де Помпадур, жене крупнейшего финансиста из клана де Пари, который многие годы занимал центральные позиции в системе принятия решений в политической и финансовой сферах. Связь правительственных кругов с финансистами была очень прочной, и это усиливало клановое влияние финансистов в политической системе. Партии базировались не только на родовых, но и деловых связях, особенно часто ведущих через сферу финансов. А наследники многих влиятельных финансистов уже становились членами совета. Кольбер и кольбертиды привели в совет многих сыновей своих финансистов, в частности уже упоминавшегося Фуко или наследников Луи Бериера, семья которого недавно была тщательно изучена Ф. Дорнионом.³⁴ Попал в королевский совет и сын клиента Понтшартренов Леспина Даникана, и сын богатейшего человека Франции начала XVIII в. и опоры партии герцога Бургундского Саноэля Бернара, и младший брат второго по значению финансового дельца Антуана Кроза, и многие другие. Основной формой организации власти за кулисами королевского совета были политико-финансовые лобби, которые включали в себя представителей всех фракций элиты. Еще раз обратимся к партии герцога Бургундского. Она возглавлялась самим герцогом, который приходился внуком Людовику XIV и после смерти своего отца, дофина Людовика, стал престолонаследником. Подлинной душой партии были два видных аристократа герцога Бонавилье и Шеврез, причем первый из них сам входил в королевский совет в качестве государственного министра и «шефа» королевского финансового совета (он, разумеется, не принадлежал к робе совета, ибо был военным дворянином, «человеком шпаги»). Оба герцога приходились зятьями Кольберу и родней по племяннику, маркизу Торси, занимавшему в эти годы пост стат-секретаря иностранных дел. Идеями вдохновителями партии были знаменитый мемуарист герцог Сен-Симон и видный деятель галликанской церкви архиепископ Фенелон. К ней принадлежали некоторые члены совета и крупные финансисты, имевшие сторонников, зачастую весьма влиятельных, в придворных сферах, финансовую опору среди генеральных откупщиков и генеральных сборщиков финансов, реальных административных лидеров или хотя бы представителей в правительстве в лице министров и государственных советников, эти лобби были важнейшим элементом политической системы абсолютной Франции, одним из главных зубчатых колес в механизме принятия решений.

Таков в целом групповой портрет высшей бюрократии во Франции Людовика XIV. В нем не так уж много изменилось XVIII в. Правда, после смерти Короля-Солнца совет был реорганизован. Его заменила так называемая «полисинодия», т. е. система отраслевых советов, призванных заменить прежние министерства. Возглавляемая аристократией полисинодия оказалась недееспособной, и вскоре регент Филипп Орлеанский вернулся к практике Людовика XIV, в точности восстановив в совете даже персональный состав его почти не изменившийся. Даже дальнейшее до самой революции совет не претерпел никаких серьезных изменений. Высшая бюрократия, сформировавшаяся при Людовике XIV, продолжала править королевством и XVIII в.

Однако изменения, происходившие во Франции в предреволюционные десятилетия, не могли не затронуть и высшую

³³ Levy C.-F. Capitalisme et pouvoir au siècle des Lumières. Paris, 1975. T. 1.

³⁴ Dornic F. Louis Berryer, agent de Mazarin et de Colbert. Paris, 1971.

бюрократию. Еще в начале текущего столетия русский ученый П. Н. Ардашев, одним из первых обратившийся к специальному исследованию высшей администрации Старого порядка, отмечал как главную черту провинциальных интендантов Людовика XVI то, что они глубоко изменились по сравнению с интендантами, например, Людовика XIV в человеческом отношении, восприняли идеи философов эпохи Просвещения и главной целью своей административной деятельности поставили стремление к общественному благу и искоренению основных пороков социального и политического строя.³⁵ Конечно, в этих утверждениях содержится преувеличение, и тем не менее Ардашев правильно, на наш взгляд, уловил общую тенденцию деятельности администрации: перед лицом надвигающегося кризиса, который предчувствовался всеми во Франции по крайней мере с середины столетия, необходимо было предпринять какие-то меры для спасения Старого порядка, основ монархического строя, и перед абсолютизмом встала объективная задача самореформирования. Многие французские министры и государственные деятели, подобно автору знаменитых мемуар маркизу д'Аржансону, в течение ряда лет возглавлявшему министерство иностранных дел, осознавали приближение революции. Конец правления Людовика XV и все пятнадцать лет правления его внука были наполнены разговорами о реформных планах и попытками более или менее широких административных преобразований, иногда даже крупных социальных реформ, как, например, хорошо известные реформы Тюрго. Но они потерпели неудачу. Почему же не удалось предотвратить Французскую революцию? Думается, часть ответа на этот вопрос дает изучение высшей бюрократии. Не претендуя на полноту ответа на него, отметим, что бюрократия как система организации власти и не была приспособлена для проведения политики реформ, во всяком случае реформ кардинального характера. Для таковых нужно было правительство единомышленников, нужны были политические партии, имевшие представительство в руководящих органах. Политических партий в том смысле, в каком их породила революция, партий типа монтаньяров, жирондистов, партий, объединенных общими социальными и политическими лозунгами, Старый порядок не знал. До Людовика XIV существовали только партии грандов, которые узами патроната сплачивали вокруг себя представителей военного дворянства, чиновничества, горожан и даже крестьян. Гетерогенные по социальному составу, державшиеся только умения лидера (вспомним рассуждения знаменитого кардинала де Флакса, одного из героев Фронды, об искусстве «главы партии» балансировать между социальными устремлениями своих клиентов), по возможности добиваясь удовлетворения их личных интересов, эти партии исчезли со сцены в полстолетия самостоятельного правления Короля Солнца. Затем началась эра политико-финансовых лобби, осуществлявших свое полномочие путем воздействия на волю короля через сложный механизм принятия решений, в центре которого стояли королевский совет и провинциальные интенданты. Клан не мог иметь целостной политической программы, потому что становился кланом, приходил к власти и удерживался у кормила правления благодаря специфически клановой политике. А без клана в условиях Старого порядка нельзя было удержаться у власти. Проведение сколько-нибудь последовательной политики реформ только ослабляло клан, приводило к его изоляции и распаду. Характерно, что даже Кольбер при осуществлении своих наиболее радикальных преобразований обычно вынужден был уступить влиянию враждебного клана Летелье.³⁶ Между тем это был единственный период, когда реформы были относительно успешны. Другим, как Лаверди, Мопу, Тюрго и прочим, при всей несхожести их личностей и проектов преобразований попытки реформ стоили карьеры. Итак, не столько слабость Людовика XVI или легкомыслие его деда, неосторожность Тюрго или коварство Марии-Антуанетты были причиной неудач реформ. С внутренней стороны (ибо мы не говорим здесь о состоянии общества) абсолютизм не мог самореформироваться потому, что его организация власти была неспособна к политике последовательных реформ, ибо построена была не вокруг политической партии, а вокруг бюрократического лобби, не на основе принципиальной программы, но на основе родственных и деловых связей.

³⁵ Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. Киев, 1900—1906. Т. 1—2.

³⁶ Малов В. Н. Проект монастырской реформы Кольбера // Французский ежегодник (1982). М., 1984. С. 101—119.

Тематически связанные материалы

С.Сказкин. Старый порядок во Франции
(история в источниках, пособие для практических занятий)

<http://narod.ru/disk/13111578000/skazkin.pdf.html>

Агония французского абсолютизма

/ «Французское Просвещение и Революция»

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf>

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии на кануне революции

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>

Е.Лебедева. Собрания нотаблей кануна

Великой французской революции

и эволюция политических позиций дворянства

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lebedeva_fe-85.pdf

Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhojin.pdf>